

ЮГОСЛАВСКО-АЛБАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО БЛОКА НА БАЛКАНАХ В 1944—1946 гг.

Вторая мировая война положила начало формированию системы международных отношений, основанной на принципе мирного сосуществования. Однако в это же время складываются предпосылки для дальнейшего углубления геополитического раскола мира на два противоборствующих лагеря.

Установление коммунистического тоталитаризма в Восточной Европе, происшедшее в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, охватило все сферы функционирования государства и жизнедеятельности общества в каждой из стран региона. Вместе с тем одной из характерных черт утвердившейся там тоталитарной системы было то, что она представляла собой выходящее за национальные рамки единое целое, которое еще в ходе своего создания стало структурироваться в международном плане в виде возглавляемого Москвой советского блока.

Говоря об образовании советского блока, нужно отметить, что оно базировалось на факторе единства социально-политических целей советского режима и компартий, вставших у власти в странах Восточной Европы, общности их основных представлений о путях и средствах достижения этих целей. Кроме того, играл свою роль и фактор организационной связи этих компартий с Советским Союзом, который являлся мировым коммунистическим центром, сложившимся еще со времени Коминтерна.

На рубеже войны и мира главной задачей Москвы в Европе в соответствии с национально-государственными интересами Советского Союза, как их понимало советское руководство, являлось создание вдоль советских западных границ «пояса безопасности», способного оградить от возможного повторения агрессии, в первую очередь германской¹. Именно Югославия и Албания (Болгария в тот период отодвигалась на третий план), где сразу же после освобождения от оккупантов были образованы коммунистические правительства и на которые Москва могла опереться на Балканах, должны были стать основой при формировании такого советского блока. Кремль пытался оградить молодые и неоперившиеся страны народной демократии от негативного влияния на них западных союзников, допускавших сравнение руководителей Югославии и Албании с Гитлером и Муссолини². Правда, еще в ноябре 1944 г. Сталин грубо критиковал югославов за то, что они недостаточно прислушиваются к его советам³.

Хорошо представляя соотношение потенциалов СССР и капиталистического мира, Сталин не разделял чрезмерных иллюзий насчет возможности быстрых побед на международной арене. Согласно его речам, не предназначенным для печати (во время встречи в Кремле с деятелями КПЮ во главе с Тито в апреле 1945 г.), следовало ожидать непрямого возобновления войны между СССР и капиталистическими странами через 15—20 лет⁴.

Что касалось практического формирования структуры блока и системы внутривблоковых отношений, то в основе конструкции лежала система двусторонних взаимосвязей СССР с каждой из «народных демократий», которые контролировались одним центром — Москвой, занявшей доминирующую позицию в регионе. Наряду с такой центральной конструкцией, возникновение «народных демократий» сопровождалось начавшимся установлением связей и между ними самими, тоже, как правило, на двусторонней основе. Однако подобные связи носили, особенно в первое время, сугубо локальный характер, поскольку не объединялись непосредственно каким-то общим центром. Это видно на примере отношений Югославии и Албании, где до конфликта 1948 г. взаимные связи между упомянутыми коммунистическими режимами были самыми интенсивными в Восточной Европе.

Процессы, происходившие в Югославии и соседней с ней Албании в период Второй мировой войны и первых послевоенных лет были более чем схожими и целиком следовали в русле советского влияния. В Албании после ее полного освобождения 29 ноября 1944 г. начали проводиться социалистические преобразования (национализация, государственный контроль над крупными предприятиями и т. п.), а строительство социалистического сектора в промышленности было признано наиболее целесообразным путем в условиях послевоенного восстановления. 11 января 1946 г. на Первой сессии Народным (Учредительным) собранием была провозглашена Албанская Народная Республика, а 18 марта было сформировано правительство во главе с лидером Коммунистической партии Албании (КПА) Энвер Ходжа, которое начало социалистические преобразования в стране⁵.

Все это напоминало события, происходившие в соседней Югославии, где 7 марта 1945 г. было создано коалиционное правительство во главе с коммунистом И. Б. Тито, куда вошли представители эмиграции

(министр иностранных дел — бывший премьер и министр иностранных дел эмиграционного правительства — И. Шубачич). Москва поддержала соглашение Тито — Шубачича о решении вопроса о власти в Югославии путем народного свободного волеизъявления, однако новая обстановка склонила многих деятелей оппозиции к эмиграции, и в стране фактически утвердилась однопартийная система⁶.

Союз, сложившийся между Албанией и Югославией в годы войны, был прежде всего союзом двух партий, созданным по инициативе партийных верхов. До 1946 г. сотрудничество осуществлялось исключительно на межпартийном и военном уровне, а многие программные документы КПА периода войны были простым переводом с сербскохорватского соответствующих югославских образцов. Югославы также оказывали и экономическую поддержку албанцам, несмотря на трудности в своей собственной стране⁷. Так, зимой 1944—45 гг. НКОЮ решил оказать помощь Албании: за неполных три месяца (до марта 1945) в Албанию было послано 2900 т пшеницы, 5700 т кукурузы, 147 грузовиков, 12 автобусов, 17 плавучих объектов, 16 телефонных станций, 19 радиостанций, 1546 телефонных аппаратов, 4 вагона медикаментов, оборудование для 4 больниц, 3 специальные и 4 общеобразовательные школы⁸.

С наступлением советских войск и их выходом за пределы Советского Союза влияние Москвы как в Югославии, так и в Албании начало возрастать. Это выражалось не только в военной, экономической и политической помощи⁹. Среди архивных данных можно найти положение конца 1944 г. о «необходимости усиления пропаганды в Югославии» со стороны Советского Союза, где отмечалась целесообразность следующего:

1. Увеличение тиража газет, высылаемых из Москвы в Югославию.
2. Организация в СССР изданий на сербскохорватском и словенских языках.
3. Организация кино-, фотовыставок в Югославии из СССР на сербско-хорватском языке.
4. Усиление радиопропаганды на Югославию, а также увеличение скорости подачи информации.
5. Усиление пропаганды единства югославских народов¹⁰.

Те же тенденции отмечались и в отношении Албании. Так, ряд европейских информационных агентств весной 1945 г. сообщали о том, что «судя по введению пятилетнего плана и назначения Н. Спиру, возвратившегося недавно из Москвы министром... становится ясным, что экономическое будущее Албании силой втягивается в сферу русского влияния. Сегодня в Албании находится не только большая русская военная миссия, как и посланник с таким же большим персоналом, но и каждую неделю в Албанию прибывают многие военные и гражданские специалисты...»¹¹.

Из региона все чаще стала появляться информация о нарушении прав человека и усилении влияния СССР. Так, албанские спецслужбы перехватили меморандум пресс-атташе британского посольства в Тиране В. Робинсона, которое позже было передано послу СССР в Албании Д. Чувахину, где

писалось о том, что в стране царит тирания, ответственность за которую, возможно, несут русские советники. Он также указывал на то, что с помощью судов легализовались аресты, избиения в тюрьмах и политические убийства албанских патриотов¹².

В целом же отношения в треугольнике Москва — Белград — Тирана в конце войны и первое послевоенное время складывались в пользу Югославии. Кремль основывал свою деятельность на Балканах через Белград; албанские коммунисты, к тому времени прочно закрепившиеся в стране, всячески подчеркивали свою верность Тито и его идеям, заявляя о нерушимости дружбы между партиями и народами¹³. На пресс-конференции 4 декабря 1945 г. с иностранными корреспондентами, посвященной албанским выборам, албанский лидер заявил: «...Некоторые спрашивали меня о наших отношениях с Югославией. Наши отношения с ней являются сердечными и откровенными, как и со всеми другими союзниками. Мы уверены, что такая дружба важна для блага мира на Балканском полуострове, поэтому албанский народ сохранит ее...»¹⁴.

Коммунистическая партия Югославии стремилась к сближению с Албанией, объясняя это тем, что «в Албании внутренние политические условия уже совсем созрели для объединения, и Албания сама под руководством коммунистической партии не имеет другого выхода, кроме того, чтобы самым тесным образом опереться на Югославию»¹⁵. Однако международная обстановка того времени не позволяла Югославии решать полностью самостоятельно внешнеполитические вопросы без поддержки Москвы. К тому же Кремль не хотел конфликтовать с западными союзниками, что и помешало Белграду реализовать свои территориальные претензии почти ко всем своим соседям, имея перед глазами пример поведения последних лет своего старшего патрона. К тому же югославские коммунисты прекрасно осознавали невозможность какого-либо объединения с Албанией без согласия Москвы. В различных посланиях и документах международного характера, посылаемых в Кремль, югославы всячески заигрывали перед Советским Союзом,

пытаясь убедить Москву в безопасности советских интересов в регионе в связи с намечаемым сближением двух соседних стран. Представители Центрального Комитета Компартии Югославии во всю говорили о своем стремлении строить социализм при непосредственной помощи в этом СССР¹⁶. К тому же Москва считала нецелесообразным прямой контакт с албанской компартией и санкционировала политический патронат ЦК КПЮ по отношению к ЦК КПА¹⁷.

Положение Югославии и Албании, находившихся меж двух огней: Советским Союзом и Западом, усугублялось еще и тем, что интересы обеих

сторон на Балканах были одинаковы, но абсолютно не совместимы друг с другом. В этом противостоянии Албании отводилось далеко немаловажное место. В то время как Москва не только через Югославию, но и напрямую поддерживала народно-демократическую Албанию, Англия и США отказались от ее официального признания и установления с ней дипломатических отношений. Более того, в апреле — мае 1945 г. западные дипломаты предприняли ряд демаршей перед правительством СССР, призванных воспрепятствовать признанию Народной Республики Албания¹⁸. При подготовке Потсдамской конференции Вашингтон планировал дипломатические меры, призванные затруднить Москве, а вместе с ней и Белграду, оказание помощи албанскому правительству, которое хотело отдельно оговорить право Албании на получение репараций (вопрос о репарации для Албании так и не был решен ни на первых сессиях Совета Министров иностранных дел, ни на Парижской мирной конференции 1946 г.)¹⁹.

1946 год стал годом формально-правового оформления югославо-албанского сотрудничества. 9 июля был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» сроком действия на 20 лет, с возможностью последующего автоматического продления на 5 лет. Статья I говорила о «всестороннем, тесном сотрудничестве», статья III — оказание немедленной военной помощи в случае нападения на одну из сторон. Договором также запрещалось участие в коалициях, направленных против одной из сторон²⁰. По просьбе Албании, югославское правительство через свои дипломатические и консульские представительства за границей в период 1945—1948 гг. представляло и защищало албанские интересы в шестнадцати странах²¹. В течение 1946 г. были также подписаны Договор о товарообороте и платежах, Договор о сотрудничестве в области культуры и просвещения. Состоялось подписание двух дополнительных протоколов, предусматривавших односторонние обязательства ФНРЮ: предоставление необходимых материалов и техники при строительстве железных дорог, предприятий по очистке нефти, ГЭС²². Специальным соглашением предусматривалось оказание Югославией помощи в строительстве портов, при реконструкции верфей, строительстве судов для Албании. При помощи югославо организовывались горно-стрелковые и пехотные дивизии²³. Всего в 1946 г. был заключен 21 договор, в 1947 г. еще 6. Помимо заключенных договоров, ФНРЮ предоставляла помощь за их пределами: в ноябре 1946 г. в Албании произошло наводнение и в Югославии в кратчайшие сроки были собраны средства для помощи пострадавшим в сумме 52 000 000 динар, а также 20 тысяч т пшеницы и кукурузы, хотя ФНРЮ переживала большие трудности в снабжении населения продовольствием²⁴.

В конце июня 1946 г. советский посол в ФНРЮ А. Лаврентьев во время встречи с Э. Ходжой подчеркивал, что в соответствии с указаниями из Москвы (об этом он писал в донесении в МИД) отношения между Албанией и Югославией должны укрепляться. «Ориентация Албании на близость с Югославией будет вместе с тем означать ориентацию Албании на близость с Советским Союзом... Советский Союз будет оказывать... всяческую поддержку, но эту поддержку не нужно афишировать, чтобы не повредить Албании»²⁵.

Однако именно конец 1946 г. и начало 1947 г. стали началом ускоренного процесса включения Албании в сферу прямого влияния СССР, что можно связать не только с растущим недовольством Москвы чрезмерной самостоятельностью Тито, но и с тем, что 1946—1947 гг. стали переломными в оформлении советского блока государств. Надежды Сталина на то, что в условиях, когда на конференциях «большой тройки» был де-факто признан послевоенный раздел мира на сферы интересов великих держав, социалистические преобразования в Восточной Европе пройдут постепенно и без ухудшения отношений с союзниками, не оправдались. В Югославии и Албании, где коммунистические режимы выросли на собственной основе, советская политическая поддержка (подкрепленная в Югославии и временным участием советских войск в освобождении северо-восточной части страны от фашистской оккупации осенью 1944 г.) в огромной мере способствовала созданию условий, при которых движения, руководимые там компартиями, смогли не только одержать военно-политическую победу, но и закрепить ее, стабилизировать международное положение образованных ими режимов. Указанные выше факторы во многом предопределили направленность и характер процесса формирования советского блока. И если на первых этапах отношения между этими двумя странами

как нельзя устраивали Кремль (Тито не только следовал в нужном Москве политическом и экономическом русле, но и вел по нему Албанию), то в условиях нарастания напряженности в отношениях с Западом и началом холодной войны растущая независимость Белграда, проявлявшаяся в первую очередь в отношениях с Албанией, не могла устраивать Сталина, стремившегося максимально укрепить коммунистический фронт в Европе.

В 1948 г. произошел раскол в советско-югославских отношениях. В результате нормальные дипломатические отношения с этой страной были прерваны, ее место в коммунистическом мире заняла Болгария, а Албания была полностью подчинена прямому контролю Москвы. В подобных условиях создание в сентябре 1947 г. Коминформа, а в январе 1949 г. Совета эконо-

мической взаимопомощи стало новым этапом в создании просоветского блока.

¹ Советский фактор в Восточной Европе, 1945—1953 гг.: документы. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 23

² Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 г. Т. II. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 — декабрь 1945 гг.). М., 1976. С. 267.

³ *Dedijer, V. Dokumenti 1948 / V. Dedijer. Kniga prva. Beograd, RAD, 1980. С. 137.*

⁴ *Аникеев, А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «Холодной войны» (1945—1957) / А. С. Аникеев. М., 2002. С. 79.*

⁵ *Смирнова, Н. Д. История Албании в XX веке / Н. Д. Смирнова. М.: Наука, 2003. С.268.*

⁶ История внешней политики СССР, 1917—1980. В 2 т. Т. 1. 1917—1945. М., Наука, 1980. С. 460.

⁷ *Гиренко, Ю. С. Советский Союз — Югославия: традиционная дружба, всестороннее сотрудничество / Ю. С. Гиренко. М., 1975. С. 50.*

⁸ *Джонлагич, А. Югославия во Второй мировой войне / А. Джонлагич. Белград, 1967. С. 202.*

⁹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. М., 1999. С. 93, 144.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 4е. П. 19а. Д. 2. Л. 147.

¹¹ Там же. Ф. 67. Оп. 5. П. 3. Д. 15. Л. 2—3.

¹² *Аникеев, А. С. Как Тито от Сталина ушел / А. С. Аникеев. М., 2002. С. 78.*

¹³ Белая книга о враждебной политике правительства Народной Республики Албания по отношению к Федеративной Народной Республике Югославия. М.: Иностранная литература, 1961. С. 137.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 5. П. 2. Д. 7. Л. 8.

¹⁵ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. М., 1999. С. 93, 137, 144.

¹⁶ Там же. С. 269.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 31. Л. 5; Д. 178. Л. 1; Д. 599. Л. 54, 57.

¹⁸ *Гибианский, Л. Юго-Восточная Европа в отношениях ведущих держав антигитлеровской коалиции от Ялты до Потсдама / Л. Гибианский. М., 1974. С. 16.*

¹⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: сб. документов : Т. 6 . Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 364.

²⁰ *Левитин, О. Л. Проблемы югославо-албанских отношений послевоенного периода, 1940-е — начало 1990-х гг. / О. Л. Левитин. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 18.*

²¹ Белая книга о враждебной политике. М., 1961. С. 24.

²² *Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije, 1946. Beograd, 1988. С. 380.*

²³ Там же. С. 143.

²⁴ *Zbornik dokumenta i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. Tom XV. Kniga 1. o učešću u napadu i okupaciji jugoslavije 1941—1945. Beograd, 1986, Vojnoizdavačka organizacija «Zrinji». С. 567.*

²⁵ *Аникеев, А. С. Как Тито от Сталина ушел / А. С. Аникеев. М., 2002. С. 96.*